

учебники и школу), поддерживаемая эстонской верхушкой. Все эти факторы объясняют специфический интерес к Пушкину эстонцев, которых привлекали преимущественно простонародные пушкинские произведения; любовная лирика, как показывают переводы, воспринималась упрощенно.

В следующий период, как реакция на русификацию и казенную систему преподавания, интерес к Пушкину в Эстонии снижается; Пушкин превращается в общепризнанного классика, которого знают главным образом понаслышке,

Интерес к Пушкину возрастает в середине 30-х годов. Экономический кризис, разложение буржуазного строя, угроза фашизации заставили эстонцев обратиться к востоку, к русской литературе. Увлечение модернизмом сменилось стремлением к классической ясности и гармонии. В советский период процесс рецепции Пушкина в Эстонии стал более интенсивным. Появились высококачественные переводы; в интерпретации Пушкина — возможность опереться на русскую Пушкиниану. Творчество Пушкина открылось эстонцам во всей своей сложности и простоте. Это не значит, однако, что Пушкин познан в Эстонии до конца: великие классики неисчерпаемы, и каждая эпоха вносит в их понимание новое.

Член-кор. АН СССР В. Г. Б а з а н о в (Ленинград) прочитал доклад «Пушкин и карельская тема в русской литературе». Пушкин не был в Карелии, но высоко оценен два видных произведения, посвященных Карелии: оду Державина «Водопад» и поэму «Карелия» Ф. Глинки, который был сослан на север как декабрист. В рецензии на поэму «Карелия» Пушкин обратил внимание на свойственную ей великолепную пейзажную живопись.

Темой доклада старшего научного сотрудника В. А. А в а к я н (Ереван) были сказки Пушкина в армянском переводе. Начиная с середины XIX в., армянские поэты и переводчики сделали достоянием армянского читателя почти все сказки Пушкина.

Другая группа докладов касалась второй темы конференции — изучения лирики Пушкина. Член-кор. АН СССР Д. Д. Б л а г о й (Москва) выступил с докладом «Философская элегия Пушкина (Пушкин, Лермонтов, Л. Толстой)». По его наблюдениям, поэты рационалистического склада (Баратынский, Вяземский) склонны пренебрегать звуковым началом стиха. Наоборот, романтические поэты придавали значение прежде всего звуку, но не смыслу. Программой Пушкина, поэта действительности, был «союз волшебных звуков, чувств и дум» — всех основных элементов поэзии. Эта пушкинская идея представляет большую методологическую ценность: пренебрежение «мыслью» или «звуком» немислимо в настоящей поэзии. Конкретным анализом философской элегии Пушкина «Брожу ли я...» в ее окончательной и ранних редак-

циях Д. Д. Благой демонстрирует этот «эстетический атом» (выражение К. А. Федина) — союз «мысли» и «звука» у Пушкина, добивающегося звукописью исключительного по мощи художественного эффекта.

Темой доклада д-ра филол. наук Б. С. М е й л а х а (Ленинград) были декабристские мотивы в лирике Пушкина 1826—30 гг. Поэт видел историческую трагедию декабризма и противостоял потоку многочисленных голосов, осуждавших декабризм. Были у него и ошибочные шаги. «Стансы» не были поняты так, как задумал их Пушкин; поэт написал оправдание — «Друзьям» и вскоре сам осудил себя в стихотворении «Воспоминание». Впоследствии Пушкин догадался возможность нового, более многолюдного восстания. Декабристская тема у Пушкина значительно шире, чем думают, ориентируясь на сочинения Пушкина непосредственно о декабристах. Необходимо фронтальное исследование всей лирики Пушкина синхронно с его биографией и историческим процессом для выявления декабристских мотивов. Докладчик поделился своим опытом такого изучения, показавшим, что создание произведений декларативного характера приходится у Пушкина после 1825 г. на годовщины восстания декабристов, годовщины их казни, лицейские годовщины. При этом выявляется множество скрытых мотивов, выраженных посредством аллюзий и исторических аналогий. В частности, в стихотворении «С Гомером долго ты беседовал один...», разгадка которого долго искали пушкинисты, по мнению Б. С. Мейлаха, есть мотив осуждения мерзостного «пира» по случаю казни декабристов.

Д-р филол. наук К. Н. Г р и г о р ь я н (Ленинград) в докладе «Об эволюции пушкинской элегии» характеризует Пушкина как — между прочим — и элегического поэта. Под влиянием поэзии Жуковского и Батюшкова развивались у юного Пушкина грустно-мечтательные мотивы, которые не были наносными, верно отражали настроение Пушкина. В дальнейшем элегия изменяется, но не исчезает в творчестве Пушкина. Его насмешка над «элегическими ку-ку» не является отвержением элегии вообще, а относилась к эпитонским элегиям середины 20-х годов, когда элегия стала болезнью, модой. Вопреки Б. В. Томашевскому, докладчик считает, что Пушкин писал элегии и после 1824 г. Элегии Пушкина — подлинные жемчужины мировой элегической поэзии.

Канд. филол. наук Е. А. М а й м и н (Псков) говорил о значении субъективного начала в романтической лирике Пушкина. Это значение определяется тем, что субъективность в лирике — необходимая родовая примета. Движение Пушкина от романтизма к реализму ознаменовалось преодолением субъективности в поэмах, но не в лирике. Реализм в лирике означал правдивое изображение человечес-